

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470.621) «1796»

Р. Х. ЕМТЫЛЬ

К ИСТОРИОГРАФИИ БЗИЮКСКОЙ БИТВЫ

В статье даётся краткий историографический анализ одного из ярких событий социально-политической истории горцев Северо-Западного Кавказа – Бзиюкской битвы 1796 года, – выявляется характер и уровень его научного осмысления, а также определяются дальнейшие перспективы разработки.

Ключевые слова: Бзиюкская битва, горцы Северо-Западного Кавказа, «демократический переворот».

UDK 94(470.621) «1796»

R. KH. EMTYL

TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE BZIYUKSK BATTLE

Article gives a brief historiographical analysis one of the brightest events of North-West Caucasus mountaineers social and political history – Bziyusk battle of 1796 – the nature and level of its scientific understanding are explored and the prospects for further development are identified.

Key words: Bziyusk battle, North-West Caucasus mountaineers, «democratic revolution».

Одним из наиболее значительных исторических событий социально-политической истории горцев Северо-Западного Кавказа является Бзиюкская битва. К ней на протяжении более чем двух столетий было обращено внимание исследователей и публицистов. Сформировавшаяся за это время обширная историография нуждается в осмыслении, систематизации и углублении.

В изучении Бзиюкской битвы с известной долей условности можно выделить несколько этапов. Первый (XIX–XX в., вплоть до революции 1917 г.) характеризовался началом работы по выявлению и накоплению фактического материала, его анализ и обобщение. В этот период были опубликованы работы русских военачальников, европейских путешественников, адыгских просветителей. Характеризуя эти труды, следует отметить единство в понимании сущности Бзиюкской битвы как проявления острой классовой борьбы в условиях феодализации адыгского общества.

Чётко прослеживаются два принципиально отличных подхода к оценке последствий этого события. Побывавшие в числе немногих в адыгских землях и самостоятельно собравшие о них фактический материал Г. Новицкий, Л. Люлье и Н. Карлгоф преувеличивали демократические последствия этого «переворота», полагая, что в его результате дворянство полностью сравнялось с простым народом. Л. Люлье, близко знавший шапсугов, натухайцев и абадзехов, одним из первых осветил положение аристократов: «Права и преимущества их уничтожены и всенародно объявлено равенство» [1]. С ослаблением влияния дворян он связывал появление в народе мысли о свободе и независимости.

В свою очередь, Г. Новицкий констатировал, что натухайцы, шапсуги и абадзехи в 1795–1796 годах свергли зависимость от дворян, а с того времени установили правление «демократическое»: «Дворяне у этих племен, теперь демократических, живут в кругу своих подданных и не имеют над ними ни власти, ни преимуществ» [2].

Н. Карлгоф отмечал, что после освобождения от власти князей и дворян тфокотли продолжали больше уравнивать свои права с княжескими и дворянскими, не присваивая себе прежних преимуществ, а, напротив, уравнивая оба сословия [3].

Иная точка зрения представлена в трудах С. Хан-Гирея, Н. Дубровина, К. Сталя: хотя политические устои шапсугов, абадзехов и натухайцев после Бзиюкской битвы претерпели изменения в сторону демократизации, основы феодального общества остались неизменными.

Н. Дубровин в своей монографии так определял социальный строй адыгов: «Организм черкесского общества по большей части имел характер чисто аристократический. У черкесов были князья (пшы), дворяне (уорки), оги, пшитли (крепостные), унауты (рабы). Это сословие было только у отдельных племен: кабардинцев, бжедугов, хатукайцев, темиргой-

цев, бесленеевцев, а у шапсугов, натухайцев, абадзехов имело такое же сословие, но не было княжеской власти» [4].

Одним из первых правильно понявших социальную сущность событий 1792–1796 года был Хан-Гирей. Однако при этом он ошибочно полагал, что исторически неизбежные в феодальном обществе волнения низов способны предостеречь «сильные умы» из знати [5].

Анализируя дореволюционную историографию Бзююкской битвы следует отметить, что в работах российских авторов не преследовалась задача специального изучения социально-экономических и политических отношений на Северо-Западном Кавказе. Их интересовали в большей степени практические задачи колонизации края, а адыгский народ они рассматривали не как субъект истории, а как объект завоевания. В этой связи критическую оценку участию России в конфликте на стороне адыгской знати дал крупный историк кубанского казачества Ф. А. Щербина. По поводу депутации адыгских молодых князей Батыр-Гирея и Калобата и рескрипта Екатерины II на имя графа Зубова Ф. А. Щербина писал: «Оказав дворянам военную помощь, царское командование сделало крупную ошибку» [6], так как эта военная помощь была незначительной, а поражение вынудило шапсугов и абадзехов объединить усилия и поднять знамя восстания. А когда шапсугские и абадзехские крестьяне «заключили между собою союз и пошли на дворян войною, Батыр-Гирею пришлось спасаться с помощью Черноморских казаков во главе с З. Чепегой» [7]. О том же говорил известный дореволюционный кавказовед П. Короленко: этот «первый случай участия русских в военных действиях за Кубанью против горцев имел роковые последствия, вызвавшие ожесточенную войну на Западном Кавказе» [8].

В целом, оценивая дореволюционную историографию Бзююкской битвы, можно сделать вывод, что, несмотря на накопление значительного фактического материала и определенные достижения в освещении данного события, дореволюционные авторы-кавказоведы не смогли глубоко и всесторонне осмыслить значение социального переворота, совершившегося у адыгских «демократических» племён.

На втором этапе изучения истории Бзююкской битвы (20–50-е г. XX в.) при сохранении источниковой базы анализа на фоне произошедших социалистических преобразований происходило изменение оценок свершившегося у демократических племен переворота при сохранении источниковой базы анализа.

Бзююкскую битву характеризуют как яркое проявление ожесточённой классовой борьбы народа со своими поработителями: «Победа дворян у Бзююко, одержанная ими при помощи царских войск, не сломила крестьянского духа сопротивления против феодализирующей знати. В результате Бзююкской битвы и последующих событий власть феодальной родовой знати местами была несколько ослаблена» [9]. В то же время основы феодального общества у адыгов по-прежнему сохранялись и знать пользовалась рядом привилегий.

Одной из трагических страниц в истории адыгов называл Бзююкскую битву Р. Трахо в работе «Черкесы»: «Черкесский (адыгский) народ был внутренне ещё не организован, не было централизованной власти, социальный режим был различен в отдельных частях страны. В то время как у сильнейших племен абхазов и шапсугов-натухайцев управление было демократическо-республиканское, у других еще сохранилось княжеско-феодальное с тенденцией, правда, к демократизации, процесс которой, однако, не закончился» [10]. К концу XVIII века привилегии высшего класса уменьшились, но происходили ещё социальные конфликты.

Дворянство вынуждено было пойти на уступки, и крестьянам представилась возможность уравнивать права. Аристократия обратилась за помощью к бжедугам, что привело к битве, которая закончилась успехом дворян. Однако потери оказались слишком велики, и правящему классу пришлось поступиться рядом привилегий. В результате многие дворяне переселились в другие области Черкесии, часть ушла в Турцию. Оставшиеся на родине потеряли все права, кроме тех, что даются умом, доблестью и красноречием. Я. Н. Раенко-Туранский определил это событие как «абадзехскую революцию», ставшую следствием обострившихся противоречий между феодалами и представителями торгового капитала [11]. Однако данный подход в последующем не получил развитие и был подвергнут серьёзной критике.

Качественные сдвиги в исследовании Бзююкской битвы произошли в 1960–1990-е годы. Они были связаны с резким возрастанием интереса к вопросам общественного устройства

адыгов, расширением источниковой базы исследований, введением в научный оборот новых групп документов из центральных и местных архивов и, что особенно ценно, ростом уровня научного осмысления проблемы.

Основополагающая роль в определении исторических последствий Бзиюкской битвы принадлежит В. К. Гарданову. Им впервые была осуществлена систематизация и комплексный анализ имеющегося круга исторических и историографических источников по проблеме. На его основе он пришел к заключению о несостоятельности утвердившейся в историко-этнографической литературе точки зрения, согласно которой общественный строй народов Северного Кавказа накануне и в период присоединения к России рассматривался как образец господства родовых отношений.

С точки зрения В. К. Гарданова, политический переворот, произошедший у шапсугов, натухацев и абадзехов в конце XVIII века, не внёс коренных изменений в социальную структуру этих племён, сохранив у них все основные черты феодального общества с присущими ему формами эксплуатации и классового антагонизма [12].

Дальнейшее развитие концепция углубления феодализма у так называемых демократических племён получила развитие в работах П. Аутлева [13], Б. Джимова [14] на основе новых источников. Адыгский исследователь В. Кажаров, рассматривая последствия Бзиюкской битвы, пришёл к заключению, что как бы ни оценивались предпосылки и результаты общественно-политического переворота у шапсугов, натухайцев, абадзехов, «он означал не межформационный, а внутриформационный кризис феодализма» [15]. Говоря об утверждении в адыгской историографии данной точки зрения на последствия Бзиюкской битвы как основополагающей, следует отметить, что часть исследователей продолжала рассматривать Бзиюкскую битву как демократический переворот, в результате которого дворяне потеряли свои преимущества. К примеру, А. Бижев отмечал, что социальные последствия Бзиюкской битвы оказались «значительными и во многом предопределили серьёзные изменения в жизни адыгов, особенно завоевания социальной свободы крестьянами были несомненными» [16].

Интересный взгляд на последствия Бзиюкской битвы, который значительно расширял границы видения проблемы, был сформулирован А. Чиргом. По его мнению, «произошедшая Бзиюкская битва – это столкновение двух тенденций централизации Западной Черкесии: “сверху” и “снизу”. Ведущей тенденцией стала вторая, представлявшая собой попытку создания единого государства путем глубокой демократизации общества» [17].

Обращаясь к историографии Бзиюкской битвы, следует отметить вклад в её углубление М. В. Покровского. Им был задан новый ракурс рассмотрения событий политического переворота у адыгов. Если данная тема в отечественном кавказоведении традиционно рассматривалась в контексте проблемы общественного строя и антифеодального движения горцев Северо-Западного Кавказа, то М. В. Покровский подошел к ней с точки зрения развития русско-адыгских отношений и установления Российского господства на Северо-Западном Кавказе.

По мнению исследователя, заняв позицию адыгского дворянства в сложившемся социальном конфликте, российские власти не оценили всей серьезности ситуации. Участие в военных действиях разжигало неприязнь горцев к России и способствовало их общему вооружённому выступлению против неё. «Стремясь завоевать довольно сомнительную преданность адыгских князей и дворян, постоянно колебавшихся в своих политических симпатиях между Турцией и Россией, русские власти в то же самое время отталкивали от себя широкие народные массы и способствовали деятельности на Кавказе иностранных агентов и проповедников мюридизма» – отмечал М. В. Покровский [18].

Наряду с желанием завоевать преданность адыгской аристократии М. В. Покровский отметил ещё один, не менее, с его точки зрения, важный мотив действий российских властей в сложившемся у западных адыгов конфликте. Бзиюкская битва ярко продемонстрировала солидарность правительства крепостной России и адыгской военно-феодальной знати. Не разбираясь в особенностях социального устройства адыгов, российское правительство подходило к военной знати с привычной меркой крепостных отношений и рассматривало её как владельца, ведущего борьбу с восставшим крестьянством.

Проведённый краткий историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что в отечественном кавказоведении достигнуты значительные успехи в постановке и разработке

вопросов, связанных с событиями Бзиюкской битвы: характер битвы, социальные условия, классовый состав участников, её социально-политические последствия.

Однако на фоне достаточно хорошо исследованных вопросов, связанных с общественным устройством адыгского общества, продолжают сохранять постановочный характер вопросы взаимосвязи Бзиюкской битвы и консолидационных процессов у горцев Северо-Западного Кавказа, их противостояния колониальной политике России в регионе. Думается, что разработка историографии Бзиюкской битвы в данных направлениях способна значительно обогатить современное кавказоведение.

Литература

1. Люлье Л. Я. О натухайцах, шапсугах и абадзехах // Черкесия. (Историко-этнографические статьи). Краснодар, 1927. С. 21.
2. Новицкий Т. Г. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адыге. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 348. Оп. 1. Л. 12, 126.
3. Карлгоф Н. И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо-Восточный берег Чёрного моря // Русский вестник. 1860. Т. 28. С. 539.
4. Дубровин Н. Черкесы (Адыге). Краснодар, 1927. С. 116, 126.
5. Хан-Гирей С. Бесльней Абат // Записки о Черкесии. Нальчик, 1974. С. 232.
6. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. С. 19.
7. Хаджимуков Т. Народы Западного Кавказа (по неизданным запискам природного бжедуга князя Хаджимукова) // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Нальчик, 1991. С. 51.
8. Короленко П. П. Закубанский край (к истории Западного Кавказа) // Военный сборник. 1893. № 3. С. 150–152.
9. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. С. 202–203.
10. Трахо Р. Избранные труды и документы. Майкоп, 2013. С. 61.
11. Раенко-Туранский Я. Н. Адыге до и после Октября. Краснодар. 1927. С. 19–20.
12. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 128, 241.
13. Аутлев П. У. Восстание шапсугских тфокотлей // Сборник статей по истории Адыгеи. Майкоп, 1976. С. 392–414.
14. Джимов Б. М. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее 1793–1868 гг. // Ученые записки АНИИ. 1970. Т. XI. С. 90–103.
15. Кажаров В. Х. Адыгская Хаса. Нальчик, 1992. С. 121.
16. Бижев А. Х. Абадзехи // Адыги. 1991. № 2. С. 191.
17. Чирг А. Ю., Кропачев С. А. Проблемы истории и культуры России и Черкесии в XIX–XX вв. Майкоп, 2015. С. 15–16.
18. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX вв. Краснодар, 1989. С. 157–165.

References

1. Lyul'e L. Ya. O natuhaytsah, shapsugah i abadzekhah [On natuhajy, shapsugah and abadzeh] // Cherkesiya. (Is-toriko-etnograficheskie stat'i). Krasnodar, 1927. S. 21.
2. Novitskiy T. G. Geograficheskoye-statisticheskoye obozreniye zemli, naseleynnoye narodom Adyhe [Geographical-statistical review of land, inhabited by people of Adyhe]. Gosudarstvennyy arhiv Krasnodarskogo kraya. F. 348. Op. 1. L. 12, 126.
3. Karl'gof N. I. O politicheskoye ustroystve cherkesskiykh plemen, na-selyayushchih Severo-Vostochnuyu bereg Chernogo morya [On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the northeastern Black Sea coast] // Russkiy vestnik. 1860. T. 28. S. 539.
4. Dubrovin N. Cherkesy (Adyge) [Circassians (Adyghe)]. Krasnodar, 1927. S. 116, 126.
5. Han-Girey S. Besl'ney Abat [Besl'ney Abat] // Zapiski o Cherkesii. Nal'chik, 1974. S. 232.
6. Shcherbina F. A. Istoriya Kubanskogo kazach'ego voyska [History of Kuban Cossack host]. Ekaterinodar, 1913. S. 19.
7. Hadzhimukov T. Narody Zapadnogo Kavkaza (po neizdannym zapiskam prirodnogo bzheduga knyazyu Hadzhimukova) [Peoples of the Western Caucasus (on remains unreleased notes natural bzheduga Prince Hadzhimukova)] // Deyateli adygskey kul'tury dooktyabr'skogo perioda. Nal'chik, 1991. S. 51.
8. Korolenko P. P. Zakubanskiy kray (k istorii Zapadnogo Kavkaza) [Zakuban region (history of the Western Caucasus)] // Voennyy sbornik. 1893. № 3. S. 150–152.
9. Ocherki istorii Adygei [Essays on Adyghe history]. Maykop, 1957. S. 202–203.

10. *Traho R.* Izbrannye trudy i dokumenty [Selected publications and documents]. Maykop, 2013. S. 61.
11. *Raenko-Turanskiy Ya. N.* Adyge do i posle Oktyabrya [Adyge before and after October]. Krasnodar, 1927. S. 19–20.
12. *Gardanov V. K.* Obshchestvennyy stroy adygskikh narodov [The social order of the adyge peoples]. M., 1967. S. 128, 241.
13. *Autlev P. U.* Vosstanie shapsugskih tfokotley [Rebellion of shapsugian tfokotl] // Sbornik statey po istorii Adygei. Maykop, 1976. S. 392–414.
14. *Dzhimov B. M.* Krest'yanskoe dvizhenie v doreformennoy Adygee 1793–1868 gg. [The peasant movement in pre-reform Adyge 1793–1868] // Uchenye zapiski ANII. 1970. T. XI. S. 90–103.
15. *Kazharov V. H.* Adygskaya Hasa [Adyge Hasa]. Nal'chik, 1992. S. 121.
16. *Bizhev A. H.* Abadzekhi [Abadzekhs] // Adygi. 1991. № 2. S. 191.
17. *Chirg A. Yu., Kropachev S. A.* Problemy istorii i kul'tury Rossii i Cherkessii v XIX–XX vv. [Problems of history and culture of Russia and Circassia in XIX–XX]. Maykop, 2015. S. 15–16.
18. *Pokrovskiy M. V.* Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. [From the history of Circassians in the late 18th – first half of 19th century] Krasnodar, 1989. S. 157–165.

УДК 37(470.62/67)(091)

С. А. ТРЕХБРАТОВА

СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ У ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (30-50-е годы XIX в.)

Автор дает характеристику основных этапов становления и развития образования у горских народов Прикубанья, выявляет причины неудач на начальном этапе, раскрывает значение Устава горских школ в деле распространения просвещения среди коренного населения Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: горское образование, аманатские школы, военно-учебные заведения, Устав горских школ.

UDK 37(470.62/67)(091)

S. A. TREHBRATOVA

FORMATION OF EDUCATION NORTHWEST CAUCASIAN HIGHLANDERS (30-50 years of XIX)

Author described the main stages of formation and development of the education of the mountain peoples of the Kuban, identifies the causes of failures at an early stage, disclose the value of the Mountain Charter schools in the spread of education among the indigenous population of the North-West Caucasus.

Key words: Mountain education, amanat school, military educational institutions, Mountain Charter schools.

Время, очерченное в статье, охватывает завершающий этап Кавказской войны. Поэтому, на первый взгляд, может показаться странной сама постановка вопроса. Действительно, о каком народном образовании горцев Северо-Западного Кавказа могла идти речь, когда в общественной жизни на первый план выдвигались задачи военного включения Закубанья в состав России. Однако внимательное изучение источников показывает, что, несмотря на все сложности переживаемого времени, основы образования среди горцев закладывались именно в эту драматическую пору.

В деле становления горского образования под эгидой российского правительства можно условно выделить следующие этапы. К первому из них, датируемому нами 30–40 годами XIX века, следует отнести попытки правительства привлечь горцев к образованию через военно-учебные заведения. Так, правительственными распоряжениями было «повелено определять ежегодно детей горских князей и первостепенных узденей в Первый, Второй, Павловский и Александровский кадетские корпуса, в каждый по шести и в Александровский 12, а также почетных мусульман Кавказского края от 20 до 30 человек» [1].

При отборе детей горцев для обучения в российских учебных заведениях определялись возрастные рамки: они должны были быть не моложе шести и не старше 13 лет. Предпо-